

Аннотация

В работе рассматривается актуальный для теории и практики перевода вопрос о приемах передачи национально-культурной специфики при переводе художественных текстов с английского на русский язык. При помощи сравнительно-сопоставительного метода мы проанализировали приемы передачи культурно окрашенной лексики, встречающейся в романе В. Пелевина «Generation P». Результаты исследования показывают возможности передачи специфической лексики для достижения адекватности и эквивалентности в переводе, а также возможные потери информации.

Объектом исследования является текст романа «Generation P» на русском языке и его перевод на английский язык, **предметом** – приемы передачи единиц, обладающих национально-культурной спецификой в романе «Generation P» с английского на русский язык.

Цель работы – изучить приемы передачи национально-культурной специфики в романе «Generation P» с русского на английский язык.

Методы исследования, использовавшиеся в работе: методы анализа и синтеза, с помощью которых был собран и обобщен теоретический материал по исследуемой теме, а также подведены итоги исследования, метод сплошной выборки, статистический метод, элементы трансформационного и сравнительно-сопоставительного анализа.

Материал исследования – для исследования послужило произведение В. Пелевина «Generation P» на русском языке общим объемом 384 страницы и его перевод на английский язык, выполненный британским переводчиком Эндрю Бромфилдом, общим объемом 133 страницы.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленный материал и результаты исследования могут быть использованы на занятиях по переводу.

Структура работы: введение, две главы, заключение и список использованной литературы.

Список использованной литературы насчитывает **44** источника, среди которых **4** на английском языке.

Объём бакалаврской работы составляет **51** страницу, включая ссылки и список использованной литературы.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы исследования	6
1.1. Общая характеристика идиостиля В.Пелевина	6
1.2. Определение понятия «национально-культурный компонент»	10
1.3. Проблема переводимости в теории перевода.	15
Выводы по первой главе	20
Глава 2. Практическая часть исследования.....	22
2.1. Анализ национально-культурной специфики романа В. Пелевина «Generation P».....	22
2.2. Приемы передачи национально-культурного компонента в романе «Generation P».....	30
Выводы по второй главе	38
Заключение.....	39
Ссылки.....	42
Список использованной литературы	46

Введение

Виктора Олеговича Пелевина принято считать признанным и одним из наиболее читаемых авторов российской литературы последних десятилетий. Каждое новое произведение Пелевина незамедлительно становится объектом дискуссии, вызывает волну рецензий и анализов, как положительных, так и отрицательных. Автор известен не только в России и Украине, но так же и за рубежом. Его произведения переведены на все основные языки мира, включая японский и китайский.

Произведения В. Пелевина обладают ярко выраженным идиостилем, который выражается посредством различных стилистических приемов, таких как: аллюзий, игра слов, имена собственные с усложненной коннотацией, характерные для литературы эпохи постмодернизма, концептуальные метафоры и т.д. В данной работе мы рассмотрим приемы перевода национально-культурного компонента на примере романа «Generation P» .

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной изученностью произведений, пронизанных национально-культурным колоритом. Ввиду стремительной глобализации и роста популярности произведений В. Пелевина в России и других странах, необходимо более подробное изучение особенностей слов с национально-культурной окраской и приемов их передачи на английский язык.

Объектом исследования является текст романа «Generation P» на русском языке и его перевод на английский язык.

Предметом исследования являются приемы передачи единиц, обладающих национально-культурной спецификой в романе «Generation P» с английского на русский язык.

Цель работы – изучить приемы передачи национально-культурной специфики в романе «Generation P» с русского на английский язык.

Задачи:

- дать общую характеристику идиостиля В. Пелевина;
- описать ведущие стилистические приемы, использованные в его произведениях;
- определить понятие «национально-культурный компонент»;
- описать приемы передачи культурных реалий с одного языка на другой;
- выявить средства выражения национально-специфического в романе «Generation P»;
- сопоставить тексты оригинала и перевода и рассмотреть приемы передачи национально-культурной специфики с русского на английский язык.

Материалом для исследования послужило произведение В. Пелевина «Generation P» на русском языке общим объемом 384 страницы и его перевод на английский язык, выполненный британским переводчиком Эндрю Бромфилдом, общим объемом 133 страницы.

Методы исследования: 1) методы анализа и синтеза, с помощью которых был собран и обобщен теоретический материал по исследуемой теме, а также подведены итоги исследования; 2) метод сплошной выборки; 3) статистический метод; 4) элементы трансформационного и сравнительно-сопоставительного анализа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что представленный материал и результаты исследования могут быть использованы на занятиях по переводу.

Теоретической основой исследования послужили научные работы таких ученых, как В. Гумбольдт, В.Г. Верещагин, Е.М. Костомаров, В.В. Ощепкова, В.И. Кодухов, В.Н. Телия, И.А. Стернин, Н.Г. Комлев, В.Г. Гак, С. Влахов, С. Флорин и другие.

Структура и основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, определяются объект и предмет исследования, характеризуются цели, задачи, методы и практическая значимость исследования.

В первой главе «Теоретические основы исследования» представлена общая характеристика идиостиля В. Пелевина, выявлены основные стилистические черты его произведений, рассмотрено понятие «национально-культурный компонент», способы его выражения в языке, а так же приемы передачи национально-культурной специфики с одного языка на другой.

Вторая глава посвящена изучению языковых средств выражения национально-специфического в романе В. Пелевина «Generation P», а так же приемам передачи данных лексических единиц с русского языка на английский.

В заключении обобщаются результаты исследования.

Список использованной литературы включает 44 научных источника, из них 4 на английском языке.

Глава 1. Теоретические основы исследования

1.1. Общая характеристика идиостиля В.Пелевина

Вторую половину XX века можно назвать эпохой постмодернизма. Под термином «постмодернизм» понимается идейно-художественное течение, которое расценивалось по-разному: как рационализм Нового времени, как вера в прогресс, опирающийся на научное знание, как литературный эксперимент или авангард в искусстве 10-20-х гг. XX века. Постмодернизм также можно рассматривать как особый тип мировоззрения, главными ценностями которого являются абсолютная свобода, спонтанность деятельности человека. Постмодернистское видение мира сфокусировано на отрицании всякого рода норм и традиций, отказ от авторитетов, идеологий и моральных парадигм.

Выдающимся представителем постмодернизма является писатель Виктор Олегович Пелевин. Ему принадлежат такие культовые произведения, как «Чапаев и Пустота», «Generation P», «Омон Ра», «S.N.U.F.F.» и др. В данной главе мы рассмотрим, в чем заключается идиостиль Виктора Пелевина, и что делает его произведения столь особенными.

Под идиостилем чаще всего понимается совокупность содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих какому-то конкретному автору, которая придает уникальности способу языкового выражения автора. Данные характеристики так же зависят от особенностей языковой личности автора, характера восприятия действительности, мировоззрения и мотивации, свойственных автору текста, культурно-исторических истоков, национальной принадлежности а также политических и философских взглядов [Самарская, Поздеева, 2016]. Идиостиль так же описывается как «индивидуальная манера, способ, которым исполнен данный речевой акт или произведение, в том числе литературно-художественное <...>, предполагающий

индивидуальный отбор и комбинацию языковых средств» [Ярцева, 1998, с. 494].

Идиостиль достигается текстовыми средствами на всех уровнях языка (фонетическом, синтаксическом, морфологическом, стилистическом, пунктуационном, орфографическом и графическом), а так же культурными отсылками [Самарская, Поздеева, 2016]. В соответствии с эстетическими предпочтениями автора, какие-то средства в его творчестве будут представлены более наглядно, а какие-то будут играть второстепенную роль или вовсе отсутствовать. Функции данных средств будут зависеть от контекста и от мотивации языковой личности автора в создании того или иного произведения.

Однако в постмодернистском течении понятие «стиль» утрачивает свою значимость, так как постмодернизм отказывается от привычного классического представления о культуре как едином целом. Реальное отражение действительности не является задачей постмодернизма, он создает собственную реальность, которой не присущи линейность и детерминизм.

Тем не менее, в творчестве конкретного автора можно выделить тексты, между которыми устанавливается отношение семантической эквивалентности по ряду таких текстовых параметров, как: структура ситуации, единство концепции, композиционные принципы, звуковая и ритмико-синтаксическая организация [Фатеева, 1995].

Большую часть произведений В. Пелевина можно отнести к историографической метапрозе. В этих произведениях автор подвергает пересмотру и переосмыслению факты советской истории, а так же постсоветскую социальную и политическую ситуацию. Подвергая перекодировке некий исторический материал, Пелевин создает свою виртуальную историю.

Особенностью поэтики Пелевина является его желание отобразить реальность не такой, какой она кажется большинству из нас. В его текстах можно встретить множество аллегорий, сказочных элементов и черт антиутопии. Произведения знаменитого постмодерниста изобилуют гротескными сценами – доведением всего до абсурда. Например, когда протагонист рома-

на «Generation P» приобретает спиритическую доску, ему удастся связаться с духом латиноамериканского революционера Че Гевары.

Одним из главных свойств постмодернизма является – интерконтекстуальность, так как согласно основному постмодернистскому утверждению: «реальность есть лишь массив текстов и пересказов этих текстов» [Матвеева, Гулидов, 2006, с. 187]. Тексты Пелевина напоминают интеллектуальную игру, которая направлена на обнаружение истоков образов, а также символов или идей. Например, роман «Чапаев и Пустота» изобилует различными аллюзиями и параллелями, которые вызывают немалый интерес. Выдержки и цитаты из других произведений и использование художественных концептов мастерски используются автором для речевых характеристик различных персонажей.

Что касается языковых особенностей идиостиля Пелевина, можно выделить языковые явления, несвойственные системе русского языка, другими словами – собственно языковые вкрапления. [Зиминая, 2010]. Его произведениям свойственно совмещение разговорного стиля, «новорусского» сленга с «чистым литературным языком», а иногда и научным слогом философского трактата.

В романе «Generation P» можно встретить смешение большого количества «чужих стилей»: рекламного, научного, разговорного, сленгового, насыщенного жаргонами языка «новых русских». Автор многократно использует прием стилистического цитирования и стилевой игровой имитации чужого стиля.

Обыгрывание «чужих стилей» позволяет автору создать индивидуальный и яркий образ персонажей. Будучи представителем постмодернизма, В. Пелевин не ограничивает себя в использовании языковых средств, он свободно жонглирует всеми возможными стилистическими приемами – от «высоких» до самых маргинальных.

В романах автора так же часто встречается экспрессивная лексика, которая определяется уровнями языка. Лексические экспрессивные средства

наделены четко выраженной положительной или отрицательной коннотацией, через призму которой автор выражает свое мировосприятие и мироощущение: «Государство у нас – это просто *контора*, которая *конопатит* щели за счет налогоплательщика».

С целью отражения постперестроечной эпохи, Пелевин использует иноязычные вкрапления – иностранные слова, включенные в русский текст. Данные вкрапления обладают высокой стилистической значимостью, так как зачастую помогают создать языковую игру. Например, придумывая слоган к иностранному бренду сигарет «Parliament», главный персонаж произведения «Generation P» переделывает русскую поговорку «жар костей не ломит» в «пар костей не ламент», создавая при этом комичный эффект.

Иноязычные вкрапления используются также для достоверности происходящего в произведении. Так, например Арнольд Шварцнеггер, будучи носителем английского языка, говорит на нем: «Sure, - сказал Шварцнеггер» [Пелевин, 2013 с. 67].

И наоборот, слова, обозначающие некие реалии западного мира, которые в СМИ обычно пишут на английском языке, В. Пелевин передает на русском, как например: Си-эн-эн (CNN).

Все перечисленные особенности произведений В. Пелевина позволяют говорить о неповторимости и уникальности его стиля. Несмотря на разнообразие стилистических приемов, одной из самых важных черт, характеризующих тексты автора, является лакунарность описываемых им реалий. Прежде, чем исследовать произведения В. Пелевина на наличие национально-культурного компонента, необходимо подробнее изучить само понятие «национально-культурный компонент».

1.2. Определение понятия «национально-культурный компонент»

Известно, что язык, будучи одним из основных признаков нации, выражает культуру народа, говорящего на этом языке, то есть национальную культуру. Не существует двух совершенно идентичных национальных культур, так как каждая культура состоит из национальных и интернациональных единиц. В связи с этим изучение иностранного языка предполагает не только освоение нового кода и нового способа выражения мыслей, но так же ознакомление с источником сведений о национальной культуре народа – носителем изучаемого языка [Верещагин, Костомаров, 1980]. При этом язык принято рассматривать в тесной связи с факторами общественной жизни его творцов и носителей, с их историей, географией, бытом, культурой и литературой [Ахманова, Мельчук, Падучева, Фрумкина, 1961]. Совокупность этих знаний составляет мир изучаемого языка, без познания которого невозможно полностью понять языковые явления.

По словам В. Гумбольдта, язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа, духа нации [В. Гумбольдт, 1985]. Подобный антропологический подход к языку лежит в основе изучения проблемы связи языка и культуры. Эта идея получила развитие в различных гуманитарных науках, таких как лингвострановедение, лингвокультурология, этнолингвистика, социоллингвистика и т.д. Форма и строй языка, а так же система категорий и доминантные категории главным образом определяют менталитет и сознание народа, говорящего на соответствующем языке.

В основе семантических систем разных языков находятся понятийные системы, сформированные в сознании представителей определенной лингвокультурной общности. Различные лингвистические исследования часто показывают, что на формирование этих понятийных систем влияют универсальные, общечеловеческие факторы: единство материального мира, фундаментальные условия жизни, общее магистральное направление деятельности людей в условиях земной цивилизации, общность механизмов восприятия человеком окружающей действительности.

Ученые единодушно утверждают, что, несмотря на все эти общие условия, в жизни каждого народа есть свойственные только ему специфические реалии культуры, быта, среды, которым не всегда находят соответствия в иных культурах. Согласно словам многих исследователей, слова, обладающие особыми культурно - специфическими значениями отражают не только образ жизни того или иного языкового коллектива, но и его образ мышления.

В определенных условиях жизни и быта возникают понятия, принципиально отсутствующие в других культурах. Следовательно, в других языках однословные лексические эквиваленты для передачи этих слов будут отсутствовать. В этой ситуации мы имеем дело с универсальным межъязыковым и внутриязыковым явлением лакуарности. Большая часть зафиксированных лингвистических лакун – межъязыковые, выявленные в результате сопоставления двух разных языков [Буряк, 2015].

Таким образом теория и практика перевода, а так же методика преподавания иностранных языков сталкиваются с таким явлением, как национально-культурный компонент или лакуна: отсутствие в одном из сопоставляемых языков наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке [Там же]. З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что подобное явление происходит вследствие неполной эквивалентности денотативных семем разных языков [Попова, Стернин, 1984].

По словам В.Г. Гака, межъязыковые лакуны – это «отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке» [Гак, 1977]. Примером подобных лакун в английском языке по сравнению с русским может послужить отсутствие слов, соответствующих русским словам «сутки» или «тоска».

Межъязыковые лакуны выявляются в пределах сравниваемой пары языков как случаи, в которых отсутствует соответствие единице одного языка в другом. И.А. Стернин утверждает: «Межъязыковая лакуна, на фоне которой обнаружена лакуна в исследуемом языке, является в этом случае безэ-

квивалентной. Таким образом, понятия межъязыковой лакуны и безэквивалентной единицы относительны: первые выделяются на фоне последних и взаимно предполагают друг друга» [Стернин, Флекенштейн 1989, с. 46]. При отсутствии лингвистических барьеров данные культурные расхождения могут оказаться препятствием при межкультурной коммуникации.

Однако понятие национально-культурного компонента не ограничивается только реалиями. Оно гораздо шире и охватывает не только слой лексики, обозначающий предметы быта, культуру, традиции и общественно-политический строй народа, но так же и слой лексики, связанный с фольклором и поверьями, с историческими событиями, мифологией и прочими культурно-историческими ассоциациями.

Изначально термин «культурный компонент», являющийся частью семантической структуры слова, был введен Н.Г. Комлевым. Автор отмечал, что культурный компонент сопутствует лексическому значению слова и зависит от национальной и культурной среды субъекта [Комлев, 2006].

В последнее время в отечественной лингвистике возрос интерес к изучению национально-культурной специфики языка. Существование в семантике слов национально-культурного компонента получило различное осмысление в таких отраслях науки как лингвострановедение, теория перевода, лексикография и лингвокультурология. Большинство работ, затрагивающих проблему связи языка и культуры, так и или иначе говорят об актуальности изучения явлений языка в совокупности с его кумулятивной, культураносной функцией [Кохан, 2007].

В.Гумбольдт рассматривал национально-культурный компонент слова как внутреннюю форму языка; согласно гипотезе лингвистической относительности Э.Сепира и Б.Уорфа национально-культурный компонент рассматривался как специфическая категоризация мира средствами определенного языка. Он так же рассматривался как специфическая характеристика психики отдельных народов, как концентрированное выражение культурного контекста, как способ хранения и воплощения культурных ценностей.

В результате отличных друг от друга подходов к трактовке понятия «национально-культурный компонент слова» и отсутствия четкого его определения для обозначения схожих понятий используются различные термины, таких как «культурный компонент», «культурная коннотация», национально-культурная (культурно-историческая) коннотация, В.И. Кодухов говорит о «культурно-историческом компоненте» [Кодухов, 1982], В.В. Ощепкова – о «национально-маркированном элементе» [Ощепкова, 2004] и т. д. Несмотря на различные подходы к данному явлению, все ученые единогласно утверждают, что культурно значимая информация является неотъемлемой частью смысловой структуры культурно маркированного слова.

Лингвисты сходятся во мнении, что в слове присутствуют, как минимум, два типа информации: 1) лексическое понятие слова (в данном случае культурный компонент проявляется в значении так называемых слов-реалий, обозначающих предмет, процесс или явление) и 2) экстралингвистические компоненты: эмоциональная и стилистическая окраска слова, связь с другими словами того же языка. Таким образом, национально-культурный компонент может присутствовать как на уровне денотата (денотативные реалии, обозначающие предметы быта или явления, свойственные истории, культуре или экономике той или иной страны), так и на уровне коннотата (коннотативные реалии или так называемые стереотипные ассоциации, существующие в той или иной культуре) [Сапожникова, 2015].

Примерами национально-культурного компонента в денотате являются русские безэквивалентные слова *лапти* – плетеная обувь, распространенная на Руси в старину, *погорелец* – человек, который потерял дом или имущество во время пожара, *борщ* – традиционное блюдо восточных славян и т.д. Здесь уместно говорить о «прямой национально-культурной номинации» [Кохан, 2007, с. 35], единицы которой являются наименованием объекта, сообщают о его национально-культурной принадлежности и существенных свойствах.

Однако существует мнение, согласно которому слова с национально-культурной спецификой в денотате получают так же и коннотативную окрас-

ку, в данном случае экзотическую или инокультурную стилистическую. Из этого следует, что подобного рода слова помимо предметно-логического значения всегда имеют коннотацию и соозначающие оттенки.

По мнению многих лингвистов, экспрессивное употребление языковой единицы является этнически специфичным, а коннотативная окраска слова национально детерминированной. Они считают, что понятие коннотации содержит в первую очередь побочные значения, возникшие в результате культурно-исторического развития (береза – символ России, родины для русских, leek, daffodil в английском), а так же те значения, которые отражают характерные качества средств языка (приставки или суффиксы, которые вносят в семантику слова субъективную оценку, например, уменьшительно-ласкательные суффиксы в русском языке.)

Следует отметить, что культурно значимыми являются не все межъязыковые различия, а только те, которые являются неслучайными и возникли в результате культурно обусловленных причин или культурно значимых следствий. Национально-культурный компонент на уровне коннотата является интроспективным, так как все специфическое в данном языке рассматривается вне сопоставления с другими языками [Добровольский, 1997]. В этом случае речь идет о представлениях носителей культуры и языка, о национальной маркированности единиц данного языка вне сравнения его с другими языками [Там же].

Национальная окраска – это фоновые семантические доли, существующие как единое целое. Различия в лексическом и культурном фоне становятся причиной нарушения межкультурного общения. Следствием данных различий лексического фона может быть неадекватная интерпретация текста, или неадекватная реакция на ту или иную ситуацию в незнакомой культуре.

Несовпадение фоновых лексических знаний и несоответствие понятий в разных языках могут стать причиной появления ассоциативных лакун. Их появление связано с отсутствием у представителей одного этноса свойствен-

ных представителям другого этноса лингво-этнографических ассоциаций, вызванных теми или иными социально-культурными факторами.

К культурологическим лакунам относятся также кинесические лакуны. К ним можно отнести жесты, используемые носителями различных культур. Одни и те же позы, и мимические «знаки» эмоционального состояния могут быть интерпретированы по-разному с точки зрения разных культур.

Следовательно, имеет место утверждение, что «лакуны можно понимать как сигналы не только специфических реалий, но и специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка (культуры)» [Буряк, 2015, с. 268] .

Проблему существования трудно переводимых культурно окрашенных единиц в тексте можно рассматривать с точки зрения расхождения национально-культурных типов реципиентов текста. Каждая лингвокультурная общность обладает определенным уровнем знаний, понятий, а так же системой образования, художественной литературой и др.

Следовательно, комплекс фоновых знаний, свойственный той или иной культуре, в совокупности с национальным характером представителей данной культуры формирует определенный тип реципиента текста, на который обычно ориентируется автор произведения. Тип реципиента – это интеллектуально-эмоциональный тип личности со специфической структурой речевого коммуникативного поведения, которая определяется спецификой той культуры, к которой принадлежит реципиент. Таким образом, установление лакун в тексте является выявлением того, в чем различаются национально-культурные типы реципиентов различных культур.

1.3. Проблема переводимости в теории перевода.

Культура, представляющая собой систему ценностей, верований и воззрений, которые определяют образ мышления и поведения членов той или

иной культурной общности, является существенным барьером для достижения эквивалентности в переводе.

Изучение связи этноса, языка и культуры в переводческом аспекте привело к возникновению противоположных точек зрения на объективную возможность перевода: от принципиальной непереводаемости до абсолютной переводаемости, обусловленной идеей о существовании некоего единого языка. [Харитоновна, 2011]. В ходе развития переводческой практики, с ростом требований к качеству перевода, у переводчиков возникло такое мнение, что осуществить полноценный перевод текстов, особенно текстов художественного характера, невозможно.

Сторонником теории непереводаемости был так же Л. Вайсгербер, который утверждал, что «картина мира» каждого языка уникальна, и в силу различия мироощущений, не подлежит полноценному переводу. Наиболее категорично выразил свою точку зрения В. Гумбольдт в письме Августу Шлегелю, где утверждает, что считает перевод невыполнимой задачей [Федоров, 1984]. Согласно его идеалистической философии, каждый язык является собой некий национальный «дух», отражающий мировоззрение определенного народа, говорящего на данном языке.

Точка зрения В. Фон Гумбольдта была поддержана неогумбольдианцами и получила свое развитие в концепции Б. Уорфа, согласно которой особенности каждого языка оказывают влияние на мышление его носителей, что делает перевод содержания мысли речевыми средствами другого языка в принципе невозможным [Ревзин, Розенцвейг, 1964]. Данная концепция непереводаемости является весьма популярной в зарубежном переводоведении.

Однако теория непереводаемости, в сущности, никогда не являлась основополагающей в теории перевода, по той причине, что противоречила самой практике перевода. Так или иначе, переводы все-таки осуществлялись, доказывая, что принципиальная возможность перевода все же существует.

В противовес теориям непереводаемости, возникает принцип абсолютной переводаемости, который подразумевает то, что все языки являются вариациями некоего общего *lingua universalis*, и основную роль при переводе играет общность понятий [Алексеева, 2008]. Далее эта мысль нашла свое продолжение в теории универсалий, которую вывел Н.Хомский, опираясь на денотативную функцию языка.

Основанием для концепции полной переводаемости так же послужил тот факт, что реальная действительность для всех народов одинакова, и может быть более или менее полно передана на всех языках. Как утверждает В. Коллер: «Если в каждом языке все то, что подразумевается, может быть выражено, то в принципе, по-видимому, все то, что выражено на одном языке, можно перевести на другой». [Швейцер, 1988, с. 102]. Однако данная теория является относительной, так как может быть применима далеко не во всех случаях. Например, если речь идет о переводе сложного экономического труда на язык племен с недостаточным общественно-политическим и социокультурным развитием. Это говорит о том, что перевод на каждом историческом промежутке носит относительный характер.

Из этого следует, что оба принципа – принцип абсолютной переводаемости и принцип абсолютной непереводаемости – являются неполными, поскольку каждый язык многогранен, гибок, и динамичен, и нельзя рассматривать его как некое единое целое. Поэтому наиболее логичным является принцип относительной переводаемости, предложенный В. Коллером: «...переводимость не только относительна, но и всегда прогрессивна: переводя, мы одновременно повышаем переводимость языков» [Koller, 1997, p. 186].

По мнению В.В. Сдобникова ограничения переводаемости являются переходящими и меняются в соответствии с тем, как человечество движется от неполного познания мира к более полному познанию.[Сдобников, Петрова, 2007, С. 112] С развитием народа происходит обогащение и развитие языка, а

так же растет количество межэтнических контактов, что способствует более глубокому изучению и познанию других культур, что в свою очередь ведет к продвижению к более полной переводимости.

Тем не менее, слова и выражения, содержащие культурный компонент, являются большой трудностью при передаче текста с одного языка на другой, так как представляют собой концептуальные или лексические лакуны. Таким образом, возникает проблема эквивалентности текстов оригинала и перевода, которая может решаться при помощи компенсации, позволяющей обеспечить экспрессивную и импрессивную эквивалентность [Дробышева, 2008].

Переводчики вынуждены видоизменять некоторые культурно-специфические смыслы, заложенные в оригинальном произведении, потому как перевод в рамках межкультурной коммуникации является «переносом текста в другую культуру», где сам переводчик «выступает в качестве посредника между самостоятельными, целостными, определенным образом организованными семиотическими системами, которые, в конечном счете, отражают особенности национальной культуры и определенного мировоззрения» [Кретов, 2002, с. 92].

Элементы национальной культуры проявляются в тексте не только на видимом уровне, то есть в качестве определенных языковых и речевых моделей. Наибольшую трудность для переводчиков представляют не языковые различия, а такие культурно-специфические элементы, которые находятся выше уровня языкового общения. Эти элементы представляют собой внеязыковую реальность, связанную не с внешними проявлениями культуры, такими как язык, жесты, обычаи и традиции, а с внутренними, такими как идеология, вера, ценности. Такие проявления культуры образуют в тексте пласт «невидимой», имплицитной информации.

Таким образом, главной задача переводчиков – понять, какими средствами передается данный текст, что в нем подразумевается, и как он воспринимается читателем [Тимко, 2010]. Выбор средств для передачи текста, в

большинстве случаев, определяется культурными особенностями, что создает серьезную проблему при переводе.

Несмотря на все эти препятствия, перевод культурно-специфической информации возможен благодаря «способности языков и культур компенсировать недостаточность одной из своих сфер за счет других» [Фененко, 2001, с. 13].

Наиболее полную и удобную классификацию способов передачи культурно окрашенной информации предлагают болгарские ученые-лингвисты С. Влахов и С. Флорин в книге «Непереводимое в переводе». Обобщив приемы передачи реалий, они сводят их в основном к двум: транскрипции и переводу [Влахов, Флорин, 2006].

I. Транскрипция представляет собой «механическое перенесение реалии из ИЯ в ПЯ графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме» [Там же, с. 87]. Частое применение транскрипции при переводе культурных реалий обусловлено тем, что она позволяет сохранить своеобразие языка подлинника и стиля автора средствами «своего» языка.

II. Перевод или замена реалии применяется в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам нежелательна.

1. Введение неологизма – наиболее подходящий путь сохранения содержания и коннотативного оттенка переводимой реалии. Здесь преимущественно переводчик использует кальку.

Калька – это заимствование слова или оборота из другого языка путем буквального перевода. Данный прием помогает перенести реалию при максимальном сохранении ее смыслового содержания, однако, не всегда без потери колорита. Примером такого приема можно назвать скалькированное с английского языка слово *skyscraper* (небоскреб). Благодаря скалькированию чувствуется «западный колорит».

2. Приблизительный перевод реалий позволяет передать предметное содержание, однако при этом теряется колорит, так как происходит замена коннотативного эквивалента нейтральным по стилю.

3. Контекстуальный перевод обычно противопоставляется словарному переводу. Переводчику приходится сужать содержание слова, исходя из контекста. Контекст в данном случае становится ведущим, доминирующим фактором при переводе, так что в данной ситуации характерно отсутствие соответствия самого переводимого слова, так как его содержание передается благодаря видоизмененному соответствующим образом контексту.

При приблизительном и контекстуальном переводе в результате всегда получается нейтральный заместитель оригинала, реалия исчезает.

Не существует хороших или плохих приемов перевода, так как зачастую их выбор индивидуален для каждого случая и зависит от многих факторов. Задача переводчика заключается в выборе оптимального для конкретного случая приема.

Выводы по первой главе

Произведения В. Пелевина обладают ярко выраженным идиостилем. Он умело играет жанрами, совмещает разговорный стиль с литературным языком, смешивает большое количество «чужих стилей». Его произведения изобилуют фразеологизмами, языковой игрой, аллегориями и отсылками.

Интерконтекстуальность романов В. Пелевина делает их привлекательными для читателей различных слоев населения и возрастов, а также вызывают интерес со стороны критиков и литературоведов.

В первой главе было проанализировано явление «национально-культурного компонента». Изучение национально-культурной специфики является весьма актуальным, поэтому, среди лингвистов существует множество трактовок данного понятия, однако все они сходятся во мнении, что слово обладает не только лингвистическим значением, но так же отражает картину

мира и ценности конкретной культуры. Ученые утверждают, что культурно значимая информация является неотъемлемой частью смысловой структуры культурно маркированного слова.

Национально-культурный компонент может присутствовать как на денотативном (предметы быта или явления), так и на коннотативном (стереотипные ассоциации, существующие в той или иной культуре) уровнях. Данное явление является следствием различия исторических, географических и культурных факторов, образующих «картину мира» разных культур. При отсутствии лингвистических барьеров данные культурные расхождения могут оказаться препятствием при межкультурной коммуникации, поэтому очень важно выбрать правильный метод передачи единиц с национальной окраской на другой язык. Согласно классификации приемов передачи культурных реалий, предложенной С. Влаховым и С. Флориным, существует два основных способа передачи национально окрашенных единиц: транскрипция и непосредственно сам перевод. Выбор приема передачи культурного компонента обусловлен контекстом, поэтому задача переводчика заключается в выборе оптимального для конкретного случая приема.

Глава 2. Практическая часть исследования

2.1. Анализ национально-культурной специфики романа В. Пелевина «Generation P»

Для того чтобы наглядно рассмотреть явление национально-культурного компонента в художественных текстах, было выбрано произведение «Generation P», написанное в 1999 году и являющееся одним из самых известных романов В. Пелевина. Роман стал культурным достоянием российской постмодернистской литературы и был переведен на многие языки. Автор повествует о поколении россиян, родившихся и формировавшихся во времена политических и экономических реформ 1990-х годов. Произведение интересно своей гротескностью и многочисленными аллюзиями. Действия романа происходят на стыке разрушения старого уклада и системы идеалов и формирования новой системы, нового мира, о котором люди узнают из реклам и газет. Концентрация повествования на постсоветской России 90-х определяет большое количество информации, отражающей ценности и нравы того поколения. Все это относится к национально специфической информации и может стать серьезным барьером для перевода.

В качестве примера можно рассмотреть само название произведения. Под «поколением «П»» или «поколением Пепси» автор подразумевает определенный тип людей, живших в России в 90-е и впитавших культуру и традиции этого времени.

В нашем исследовании мы взяли за основу труды ученых Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова [Верещагин, Костомаров, 1980], которые разделяют слова с национальной окраской преимущественно на три группы: 1) безэквивалентные слова; 2) коннотативная лексика; 3) фоновая лексика.

К *первой группе* относятся слова, определяющие понятия, отсутствующие за пределами конкретной культуры и не имеющие соответствий в других языках. Перевод таких слов возможен, однако, со значительными потерями

информации. Безэквивалентный пласт лексики включает в себя реалии, описывающие быт и культуру народов, обычаи, религию, искусство, фольклор и т.д. Предметы, явления и традиции национального быта обладают национально-культурной спецификой, так как зачастую отсутствуют в другой культуре. Даже в тех случаях, когда предмет или явление существует в нескольких культурах, его значение в рамках определенной культуры, скорее всего, будет отличаться.

К группе безэквивалентных слов, мы можем отнести ономастическую лексику (антропонимы, топонимы), так как помимо номинативной функции, она обладает так же кумулятивной функцией. Имя собственное зачастую обладает весьма обширным и сложным лексическим фоном. При анализе произведения, нами были выделены следующие группы имен собственных: а) индивидуальные имена персонажей; б) имена деятелей культуры; в) имена политических и исторических деятелей.

В рамках группы индивидуальных имен встречаются как полные имена (*Леонид Азадовский, Сергей Морковин и др.*), так и производные формы имен (*Лена, Аркаша, Гриша и др.*). В отдельных случаях имена собственные содержат гораздо больше имплицитной информации, чем кажется на первый взгляд, что может усложнить понимание заложенного в текст смысла для читателя, относящегося к другой языковой культуре. К примеру, имя главного персонажа *Вавилен Татарский* является аллюзией на образ древнего города Вавилон. Согласно другой теории, имя произошло путем соединения слов «*Василий Аксенов*» и «*Владимир Ильич Ленин*», что относит нас к идеологии человека 60-х годов.

Некоторые имена собственные могут иметь репрезентативный, почти нарицательный смысл. Например: «За витриной магазина оплывала в летнем зное толстая миловидная продавщица, которую Татарский почему-то сразу назвал про себя *Манькой*» [Пелевин, 2013, с. 14]. Татарский называет героиню «Манькой» не просто так. Во-первых, имя Мария является весьма популярным в России, и в данном контексте автор использует его как собиратель-

ное. При этом он использует просторечную форму имени, чтобы охарактеризовать отношение к ней главного героя.

Так же в качестве рекламного слогана для напитка Спрайт, Вавилен придумывает фразу: «Спрайт. Не кола для Николы», где «*Никола*» является собирательным именем для простого русского потребителя. Кроме того, автор использует фонетическую игру слов, усиливающую эффектность слогана. Другой пример: «Татарский очень стеснялся своего имени, представляясь по возможности *Вовой*» [Там же, с. 11]. В данном примере демонстрируется контраст между редким именем Вавилен и именем Вова, которое является весьма распространенным в России.

В «Generation P» большую роль играет культурная составляющая. Она во многом складывается благодаря богатой и разнообразной русской литературе. В произведении часто можно встретить прецедентные имена: имена литературных и политических деятелей, а так же имена исторических личностей. Неокторые из таких имен собственных имеют наиболее широкую популярность среди зарубежного читателя, например, *Достоевский*, *Лев Толстой*, *Ленин* или *Сталин*, другие же, скорее всего, будут менее известны. Такие имена, как *Андрей Битов*, *Борис Пастернак*, *Марина Цветаева* для иноязычного реципиента окажутся незнакомыми и не вызовут никаких ассоциаций. В связи с этим переводчик вынужден делать в тексте сноски с пояснениями.

Топонимы, как и антропонимы, обладают яркими культурными компонентами в семантике. Среди найденных единиц мы условно выделили две группы. В первую группу входят наименования внутригородских объектов: площадей, парков, достопримечательностей, улиц, например, *Покровка*, *Расторгуево*, *Пушкинская площадь* и др. Ко второй группе относятся названия населенных пунктов, городов: *Москва*, *Ялта*, *Санкт-Петербург* и т.д. Помимо своей основной функции, некоторые топонимы так же содержат в себе фоновую информацию. Например, в романе упоминается город *Новороссийск*, который известен русскоговорящему реципиенту, как город-герой.

Помимо ономастической лексики текст так же содержит большое количество единиц, обладающих фоновой культурологической информацией. Основываясь на классификации С. Влахова и С. Флорина, мы выявили в тексте две группы реалий: этнографические реалии и общественно-политические реалии.

Этнографические реалии представляют собой пласт лексики, выражающей понятия, принадлежащие быту и культуре конкретного народа. Например, в тексте можно встретить элементы одежды, присущие русской культуре (*кокошник, пыжиковая шапка*), или транспортные средства отечественного производства (*лада, москвич*).

Общественно-политические реалии также играют немаловажную роль в отражении той или иной культуры. Они включают в себя такие понятия, как: общественно-политическая жизнь, органы и носители власти, социальные явления и движения, звания, титулы и т.д. В романе можно встретить упоминания наименований органов государственной власти, такие как: *КГБ, ГРУ, партноменклатура, ЦКБ*, а так же реалии общественно-политической жизни, например, *ТЮЗ, ЦК ВЛКСМ* и т.д.

В. Пелевин использует в романе множество фразеологизмов, пословиц, поговорок и идиом, существующих в русской культуре. Национально-культурная специфика идиоматических единиц заключается в том, что, во-первых, они отражают национальную культуру нерасчлененно, всеми своими элементами, взятыми вместе, т.е. своими идиоматическими значениями. Примерами могут послужить такие фразеологизмы, как «кривить душой» в значении «лицемерить» или «заварить кашу», т.е. собственными действиями создать затруднительную ситуацию.

Во-вторых, некоторые из таких единиц отражают национальную культуру расчленено, так как некоторые из слов, входящих в состав идиомы, являются безэквивалентными. Например, слово «*кол*» в составе фразеологизма «*ни кола, ни двора*» в старину обозначал полосу пахотной земли.

Другая группа слов, входящая в состав безэквивалентной лексики – советизмы, слова, выражающие понятия, зародившиеся в результате перестройки общественной жизни после Октябрьской революции. Советизмы обладают наполненной семантикой, так как отражают общественно-политический строй государства, жизнь и быт людей, и повествуют о памятных событиях недавнего прошлого.

Согласно С. Влахову и С. Флорину, советизмы не всегда являются реалиями и обладают национально-культурным компонентом, поэтому они не входят в общую классификацию и рассматриваются как самостоятельная группа. Роман «Generation P» содержит большое количество советизмов, поэтому мы посчитали необходимым проанализировать их с точки зрения их национально-культурной специфики.

События в романе происходят в постсоветский период, однако, пережитки советского общества часто дают о себе знать. Автор упоминает такие явления советского прошлого, как *колхозное поле*, *большевик*, *гражданская война*, *коммунизм* и т.д.

«...а вождь наконец-то покидал насиженную Россию» [Там же, с. 36]. Под словом «*вождь*» в СССР подразумевался правитель, идеологический деятель, официально такого поста не существовало.

«Отец Татарского, видимо, легко мог представить себе верного ленинца, благородно постигающего над вольной аксеновской страницей...» [Там же, с. 10]. «*Ленинец*» – соратник Ленина, последователь его идеологии и дел. Слово «*аксеновская*» происходит от фамилии известного советского писателя В.П. Аксенова и используется в тексте в качестве прилагательного, а не притяжательного местоимения, так как данное имя настолько широко известно русскому читателю, что стало своего рода именем нарицательным.

Группа *коннотативной лексики* охватывает слова, которые не только называют предмет, но так же несут в себе оттеночное значение. В данном случае ведущим является не денотативное, а коннотативное содержание слова.

Прекрасно примером отражения русского быта через коннотативную лексику может послужить стихотворение, написанное Татарским:

«Что такое вечность – это банька,
Вечность – это банька с пауками.
Если эту баньку
Позабудет Манька,
Что же будет с Родиной и с нами?» [Там же, с. 16]

В стихотворении вечность приравнивается к *баньке*. Это объясняется тем, что в русской культуре баня всегда являлась важной традицией. Автор не случайно использует уменьшительно-ласкательную форму слова, делая акцент на глубоко укоренившемся отношении русского человека к бане.

Еще одним средством репрезентации культурно специфического в романе является сниженная лексика. Речь персонажей изобилует воровским и уголовным жаргоном, а так же сленгом «новых русских» (*ботва, блатной, грохнуть, лавэ, мусора*). Наличие жаргонизмов в речи обусловлено принадлежностью романа к эпохе 90-х, которая воспринимается как отдельный период в истории, ассоциирующийся у многих с крушением прежней системы ценностей, зарождением нового строя и уклада и надеждами на светлое будущее. Жаргон складывается в языке постепенно, отражая лингвокультурную ситуацию, характерную для конкретной эпохи. Особенность лексической системы жаргона определяется действием экстралингвистических и внутренних языковых факторов. Это может стать существенной проблемой при передаче текста в другую языковую систему.

Фоновой лексикой считаются слова и выражения, содержащие дополнительные стилистические или семантически оттенки значения, понятные только людям, принадлежащим данной языковой культуре, так как каждое из таких слов сопряжено совокупностью определенных знаний.

Действительность в произведении все время балансирует между советским периодом и новым временем, что также отражается на выборе стилистических средств, в частности, фразеологизмов. Так, например, мы можем

встретить как фразеологические единицы, появившиеся задолго до событий, описываемых в произведении: «*вызвать на ковер*» в значении «сделать замечание, выговор»; «*с высоты птичьего полета*»; «*бросить взгляд*», так и относительно новые выражения. Например, выражение «*раскатать ноздри*», которое в свою очередь является пародией на выражение «*раскатать губу*» в значении «возыметь желание получить то, что малодоступно». Замена устойчивых элементов фразеологических единиц создает усиленный эмоциональный эффект, поэтому очень важно при переводе текста суметь передать заложенное автором семантическое значение.

В произведении так же были использованы русские пословицы. Для создания слоганов пословицы были изменены с помощью игры слов путем создания рифмы, например: «У наших ушки на макушке. Дисконт на гаражи-ракушки» или путем смешения двух разных пословиц: «Род приходит, и род уходит, – философски подумал Татарский, – а своя рубашка ближе к телу» [Там же, с. 33].

Анализ исследуемого материала позволяет сделать вывод о том, что фоновая лексика является центральным ядром национально-культурной информации в произведении и является наиболее сложно для перевода, так как отсылается к российским и советским реалиям, неизвестным большинству иноязычных реципиентов текста.

К данной группе можно отнести многочисленные аллюзии на те или иные исторические события, общеизвестные факты и литературные произведения. Например, упомянутое ранее стихотворение о вечности повторяет мотив известной песни популярной советской рок-группы «ДДТ» «Что такое осень – это листья». При прочтении стихотворения у многих носителей русского языка неизбежно возникнет ассоциация с песней и соответствующий мотив, чего не возникнет у иноязычных реципиентов.

Мотив другой русской песни, исполненной Михаилом Ножкиным в советском кинофильме «Судьба резидента», обыгрывается в слогане: «Я в весеннем саду пил березовый спрайт» [Там же, с. 42].

Автор использует множество цитат, которые отсылают нас к тем или иным событиям в истории России или к произведениям русской культуры. Например, цитата из романа «Евгений Онегин», используемая в романе «*Что день грядущий мне готовит?*» являлся одним из главных вопросов, которые задавало себе советское общество.

Для слогана сигарет Татарский использует цитату Грибоедова из произведения «Горе от ума»: «*И дым отечественный нам сладок и приятен*» [Там же, с. 71]. Еще один слоган: «*Umot rossiju nye ponyat, v rossiju tojno tolko vyerit.* «Smirnoff»» [Там же, с. 93] является отсылкой к стихотворению Федора Тютчева. «Вечный вопрос, – засмеялся Морковин. – *Тварь я дрожащая или право имею*» [Там же, с. 24] – представителю другой культуры будет не ясно в чем смысл «вечного вопроса», однако русский читатель сразу же заметит отсылку к произведению Ф.Достоевского «Преступление и наказание».

Вымышленные реалии часто употребляются в саркастическом ключе, выступая в качестве аллюзий на литературные произведения или исторических деятелей: «...ракетно-ядерный крейсер «*Идиот*», заложенный по случаю столетия со дня рождения Федора Михайловича Достоевского...». [Там же, с. 138] и крейсер «*Богоносец Потемкин*»».

В тексте так же присутствуют отсылки к истории России: «Вечность была бы произвольной – если бы, скажем, не *Сталин убил Троцкого*, а, наоборот...» [Там же, с. 15]. Известная фраза из романа «*Под Кандагаром было круче*» [Там же, с. 382] является отсылкой к гражданской войне в Афганистане, где СССР принимал непосредственное участие. Все вышеперечисленные аллюзии апеллируют к фоновым знаниям русскоязычного реципиента, и именно поэтому требуют пояснений при переводе.

Важно отметить тот факт, что большая часть реалий и отсылок принадлежат советскому периоду (48 единиц (37%)), что определяет целевую аудиторию романа. Переосмысление и видоизменение уже глубоко укоренившихся в советском сознании непоколебимых истин направлено на то, чтобы пе-

редать сущность периода перестройки и отразить сознание людей того времени.

2.2. Приемы передачи национально-культурного компонента в переводе романа «Generation P»

Постмодернистский роман В. Пелевина описывает быт и реалии жизни поколения россиян, живших в момент политических и экономических реформ 1990-х годов. В связи с этим текст изобилует языковыми единицами, обладающими национально-культурной спецификой, что может стать барьером для полной передачи текста на другой язык.

Материалом для данного исследования послужил оригинальный текст романа В. Пелевина «Generation P» и его перевод на английский язык, выполненный британским редактором и переводчиком Эндрю Бромфилдом (Faber and Faber, 2000).

Всего нами было выявлено 152 примера передачи единиц, обладающих национально-культурным компонентом. Рассмотрим, как автору перевода удалось передать на английский язык антропонимы (всего 53 единицы). В ходе анализа, мы отметили, что в тексте присутствуют различные формы индивидуальных имен: полные имена и фамилии, производные формы имен, а также клички. Полные имена и фамилии персонажей романа были переданы при помощи транскрипции (*Сергей Морковин – Sergei Morkovin, Леонид Азадовский – Leonid Azadovsky, Дмитрий Пугин – Dmitry Pugin, Андрей Гиреев – Andrei Gireiev, Владимир Ханин – Vladimir Khanin* и др.). Данный прием является наиболее подходящим, так как помогает сохранить во внешней звуковой форме национальное своеобразие, как выражение национально-языковой принадлежности героев романа. Однако не так удачно прием транскрипции подходит для передачи производных форм тех же имен (*Вова – Vova, Вава – Vava, Гриша – Grisha, Аркаша – Arkasha*), так как у читателя перевода могут возникнуть проблемы при идентификации различных вариантов одних и тех

же имен и, следовательно, самих персонажей. Тем не менее, имя «Манька» переводчик заменяет функциональным аналогом «Maggie» (сокращение от английского имени Margaret), с целью вызвать у читателя перевода те же ассоциации, что и у читателя оригинала, а именно указать на краткость формы имени собственного. Переводчик применяет адаптацию имени к реалиям языка перевода, так как при использовании транскрипции у читателя перевода могут возникнуть трудности со сложной фонетической формой имени, нехарактерной для носителей английского языка, а также с идентификацией сокращенного варианта имени. Использование аналога помогает восполнить функцию имени, задуманную автором оригинала, однако при этом теряется изначальная форма имени собственного в языке оригинала.

Неотъемлемой частью арсенала средств интерконтекстуальности, играющей столь важную роль в литературе постмодернизма, являются прецедентные имена. Все они широко известны не только носителю русской культуры, но также и в других странах. В большинстве случаев имена исторических личностей и деятелей культуры, известных в языке перевода, имеют постоянные соответствия в языке. В тексте встречаются следующие прецедентные имена и их переводческие соответствия: *Ленин – Lenin, Сталин – Stalin, Достоевский – Dostoevsky, Гагарин – Gagarin*. Для передачи имен, пользующихся меньшей популярностью за рубежом, автор использует транскрипцию, учитывая при этом уже сложившуюся традицию написания данных имен (*Марина Цветаева – Marina Tsvetaeva, Антон Чехов – Anton Chekhov, Грибоедов – Griboedov, Пушкин – Pushkin, Крылов – Krylov, Чаадаев – Chaadaev, Троцкий – Trotsky, Борис Ельцин – Boris Yeltsin, Зюганов – Zyuganov, Лебедь – Lebed и т.д.*). Сложность передачи данной группы имен собственных заключается в их интерконтекстуальности. Автор использует прецедентные имена не столько для обозначения конкретного человека, сколько для создания аллюзии, намекая на определенные общеизвестные факты, события или художественные произведения. Однако мы отметили, что при передаче таких имен собственных, переводчик не прибегает к каким-либо пояснениям, что

способствует потере имплицитной информации и заложенных автором смыслов. Например, сценарий одной из реклам, написанных Татарским, содержит следующие слова: «Спор о том, является ли Россия частью Европы, очень стар. В принципе настоящий профессионал без труда может сказать, что думал по этому поводу Пушкин...» [Пелевин 2013, с. 250]. Не каждый носитель русской культуры сможет понять, что здесь автор отсылается к тесной связи жизни и творчества автора с европейской культурой. Пушкин умело владел французским и английским языком и, однажды, он даже признался в том, что письма на иностранном языке даются ему даже проще, чем на родном. Все это заложено в одном предложении, которое автор перевода передает дословно: «*In principle a real professional has no difficulty in telling what Pushkin thought on this matter...*» [Pelevin 2000, с. 86]. В данном случае, справедливо утверждать, что большая часть фоновой информации для иноязычного реципиента будет утеряна.

Мы также проанализировали приемы передачи топонимов в романе (всего 26 единиц) и пришли к выводу, что в представленном тексте мы имеем дело с топонимами преимущественно русского происхождения. Как показывает практика, названия географических объектов иностранного происхождения не переводятся. Поэтому при переводе наименований населенных пунктов, улиц, достопримечательностей переводчик прибегает к заранее установленным соответствиям (*Новороссийск – Novorossiisk, Москва – Moscow, Ялта – Yalta, Санкт-Петербург – St Petersburg, Новосибирск – Novosibirsk, Севастополь – Sebastopol, Мурманск – Murmansk, Лефортово – Lefortovo, Днепрпетровск – Dnepropetrovsk, Фирсановка – Firsanovka, Лубянка – Lyubyanka, Покровка – Pokrovka, Расторгuevo – Rastorguevo, Храм Христа Спасителя – Cathedral of Christ the Saviour,*).

Топонимы также обладают в своем составе своеобразной спецификой. Некоторые из них содержат нарицательный элемент, такой как «улица», «площадь», «остров» и т.д. Как правило, этому слову имеется соответствие в языке перевода, например: *Садово-Триумфальная улица – Sadovo-*

Triumfalnaya Street, Пушкинская площадь – Pushkin Square, Останкинская телебашня – Ostankino television tower, Красная площадь – Red Square. Иногда такие единицы могут передаваться транскрипцией, однако в материале нашего исследования таких примеров найдено не было.

Более сложную задачу представляет собой перевод реалий (20 единиц), так как они не имеют соответствий в других языках. Например, при передаче названий элементов одежды переводчик вынужден использовать описательный перевод (*кокошник – the folk-costume*) или калькирование (*пыжиковая шапка – reindeer-fur hat*). В случае с «кокошником», можно сказать, что мы имеем дело с лакуной, которую автор передает при помощи описания, чтобы сохранить ее принадлежность к другой культуре. Однако «пыжиковая шапка» служит в тексте не только для обозначения самого предмета, она обладает более глубоким семантическим фоном. В период существования СССР шапки из пыжика считались признаком принадлежности к элитному слою общества, и только высшие чины страны могли ее себе позволить. В романе Татарский приезжает домой к своему клиенту и, зайдя к нему в комнату, он не замечает ничего интересного, «если не считать голубой пыжиковой шапки, которая лежала на верхней полке в пустом застекленном шкафу» [Пелевин 2013, с. 29]. Таким образом, мы понимаем, что персонаж не беден и вполне возможно в прошлом принадлежал к высшим чинам. Не обладая достаточным количеством фоновой информации, реципиент текста перевода вряд ли поймет, что же такого «интересного» в этой пыжиковой шапке.

С. Влахов и С. Флорин так же относят к этнографическим реалиям названия автомобилей. Их переводчик передает преимущественно при помощи транскрипции (*лада – Lada, москвич – Moskvich*), но при переводе автомобиля «запорожец» («*jalory*») переводчик применяет лексическую замену с целью сохранения имплицитности, заложенной в тексте: английское слово «*jalory*» означает «рухлядь», «драндулет». Дело в том, что в обществе с самого момента его появления автомобиль «Запорожец» имел не самую лучшую репутацию. В силу технической неполноценности отношение к этим

малолитражным автомобилям было в лучшем случае скептическим. Применяв лексическую замену, переводчику удалось передать заложенный смысл, но при этом была утрачена функция переносного значения.

Советские реалии так же представляют определенную сложность при передаче на другой язык, так как требуют восполнения недостающей информации, следовательно, переводчик применяет описательный перевод (*коммуналка – shared apartment, колхозное поле – collective farm field, сталинский дом – Stalinist-style building*).

Присутствующие в тексте общественно-политические реалии существуют только в рамках конкретной культуры, при передаче их на другой язык переводчик прибегает к подбору соответствия (*КГБ – KGB, МВД - The Ministry of the Interior ФСК - Federal Security Services*) или к калькированию (*ТЮЗ – Young People's Theatre, Институт пчеловодства – The Institute of Apiculture, Межбанковский комитет по информационным технологиям - Interbank Committee for Information Technology*). При описании отдельных органов, как, например, «*государственная дума*» переводчик использует генерализацию «*government*».

Следующая группа выражений с национальной окраской – это фразеологизмы (10 единиц). В предложении «*Своего рода чистка авгиевых конюшен сотрудника рекламной сферы*» [Пелевин 2013, с. 121] автор использует фразеологизм «авгиевы конюшни», подразумевающий сильно загрязненное, находящееся в беспорядке помещение. Автор перевода использует эквивалентный перевод фразеологизма «*A kind of spring-cleaning for an advertising man's personal Augean stables*» [Pelevin 2000, с. 40]. В случае с фразеологизмом «*вызвать на ковер*» переводчик применяет дословный перевод, т.е. калькирование «*on the boss's carpet*». В обоих случаях переводчику удалось передать значение выражений без каких-либо значительных потерь. При переводе фразеологизма «*раскатать ноздри*» переводчик использует выражение «*nostrils flared*», тем самым максимально приближаясь к лексической составляющей фразеологизма. Однако сохранить при этом не удалось ни фра-

зеологизм, ни игру слов. Более того исходное значение фразеологизма подразумевало «надеяться, рассчитывать на что-либо», в то время как перевод дословно означает «надувать ноздри». Фразеологизм «*гнать волну*» в значении «торопить события» переводчик передает близким по значению фразовым глаголом «*pile on*» («преувеличивать»), не сохраняя при этом фразеологизм.

Важную роль в повествовании играет сниженная лексика, которая состоит преимущественно из воровского жаргона. Такая лексика помогает раскрыть характер персонажей и определить их принадлежность к соответствующей социальной ступени. В тексте мы обнаружили 25 жаргонных лексических единиц. Часть жаргонизмов автор передает при помощи эквивалентов в английском языке, например: *прохнуть* – *blow out*, *мусора* – *filth*, *стрелка* – *shoot out*. Данный способ является самым удачным, так как восполняет коннотативный оттенок выражения, при этом теряется только внешняя форма слова, что не сильно влияет на исходный смысл. Однако не все жаргонизмы имеют эквиваленты в языке перевода, и переводчику приходится заменять их словом с нейтральным значением (*крыша* – *protection*, *бабки* – *money*, *базар* – *claims*). Данный прием является менее удачным для достижения эквивалентного перевода, однако денотативное значение переводчику все же удается передать. Также в тексте встречаются довольно сложные случаи употребления жаргонизмов, с переводом которых автору справиться не удалось. Например, предложение «*Укатали сивку крутые урки*» [Пелевин 2013, с. 226] было полностью опущено автором, так как содержит несколько жаргонов подряд и является сложным для перевода. Автор мог использовать нейтральные слова с аналогичным значением, однако он предпочел оставить предложение непереуведенным, что повлекло за собой потерю когнитивной информации.

Аллюзии (18 единица) представляют собой существенный барьер при передаче текста на другой язык, так как неизбежно требует пояснения. В некоторых случаях, автору перевода удастся восполнить недостающую информацию для облегчения понимания текста. Например, при переводе фразы

«тварь я дрожащая или право имею?» переводчик использует добавление: «*Dostoevsky's old eternal question <...> 'Am I a timid cowering creature or have I got moral rights?'*» [Pelevin 2000, с. 6], а при переводе фразы «*под Кандагаром было круче*» генерализацию («*Afghanistan was heavier*») [Там же, с. 133], что влечет за собой потери некоторой информации, однако незначительные.

Однако не всегда автору удается передать связь выражений и слоганов, описанных в произведении, и их имплицитного значения. Слоган «*я в весеннем лесу пил березовый Спрайт*» переводится дословно, как «*Deep in the spring-time forest I drank my birch-bright Sprite*» [Там же, с. 12] и, так как читатель не знаком с оригинальной песней Михаила Ножкина, эта фраза ни о чем ему не говорит. Точно так же фраза Федора Тютчева, написанная в оригинале английскими буквами «*Utom rossiju nye ponyat, v rossiju mojno tolko vyerit.*», была дословно переведена на английский язык без указания на автора цитаты, однако переводчик постарался сохранить нестандартность графической формы, написав фразу заглавными буквами: «*RUSSIA - NO WAY IS THERE TO UNDERSTAND HER NO WAY HER SECRET SOUL TO RENDER*» [Там же, с. 29]. Что касается стихотворения о баньке на мотив группы ДДТ, то оно было полностью вырезано из текста перевода.

Итак, обобщая все приемы передачи национально-культурной специфики (152 единиц), можно сказать, что наиболее частотными являются следующие приемы: транскрипция 38 единиц (26%), подбор соответствия 29 единиц (20%), описательный перевод 21 единицы (15%), калькирование 14 единиц (10%), подбор аналога 12 единиц (8%), эквивалентный перевод 11 единицы (8%). Наименее частотными оказались следующие приемы: дословный перевод 9 единиц (6%), добавление 6 единиц (4%), генерализация 5 единиц (3%).

Таким образом, проанализировав все способы передачи лексических единиц, обладающих национально-культурной спецификой, мы пришли к выводам, что:

1. Для передачи ономастической лексики на английский язык преимущественно используются способы транскрипции и транслитерации с целью передачи национального колорита. Что касается топонимов, то прежде, чем использовать один из способов перевода, необходимо проверить, нет ли в переводящем языке уже установленных соответствий и в первую очередь использовать их.
2. Реалии являются важной частью национального колорита произведения, и прибегать к их замене нужно осторожно. Большинство реалий в исследуемом нами романе были переданы при помощи транскрипции или описательного перевода.
3. Фразеологический фонд языка содержит в себе информацию, тесно связанную с историей и культурой народа, и несет коннотацию и импликацию. При передаче фразеологических единиц переводчик использует основные способы перевода – фразеологический (эквивалентный) и нефразеологический (калькирование, описательный перевод).
4. В тексте присутствует большое количество сниженной лексики, состоящей преимущественно из воровского жаргона. Такая лексика служит для формирования у читателя представления о жизни и ценностях низших и средних классов людей в 90-е годы в момент исчезновения СССР. Наиболее удачным приемом для перевода жаргонизмов является эквивалентный перевод или подбор аналога в языке перевода.
5. Аллюзии в тексте выражены цитатами и различными отсылками к реальной действительности. Они являются неотъемлемой частью национальной окрашенности романа, так как представляет картину мира носителя данной языковой группы и отсылаются к общеизвестным в данной культуре фактам, событиям или культурным произведениям. В связи с этим переводчик обязан оптимальным способом восполнить недостающую имплицитную информацию при помощи пояснений или добавлений.

Выводы по второй главе

Таким образом, изучив текст романа В. Пелевина «Generation P», мы убедились в том, что в произведении присутствует большое количество элементов, обладающих национально-культурным компонентом. Причиной этому является намерение автора отразить быт и национальное самосознание людей, живших в постсоветский период, показать ментальность и ценности того времени.

Несмотря на то, что существует множество работ, касающихся изучения феномена национально-культурного компонента, до сих пор не существует исчерпывающей классификации культурных реалий. В нашем исследовании мы взяли за основу труды ученых Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова и разделили слова с национальной окраской на три группы безэквивалентные слова, коннотативную лексику и фоновую лексику.

Нами выявлены следующие наиболее частотные группы слов с национально-культурной информацией: 1) ономастическая лексика; 2) реалии; 3) фразеологизмы; 4) сниженная лексика; 5) аллюзии. На примере произведения мы проанализировали перечисленные явления, и убедились в том, что данные слова обладают культурной спецификой и в большинстве случаев не имеют эквивалента в другой национальной культуре.

Мы так же отметили, что наиболее частотными приемами передачи слов с национально культурной информацией являются транскрипция, описательный перевод, калькирование, подбор аналога и эквивалентный перевод. Менее частотными оказались автор дословный перевод, добавление и генерализация.

Заключение

Литература постмодернизма, появившаяся в XX веке в постсоветском обществе, до сих пор продолжает набирать популярность среди людей разных социальных групп и возрастов. Это обусловлено нетипичностью и самобытностью этого течения. Постмодернистские произведения обладают высокой степенью интерконтекстуальности, изобилуют отсылками к явлениям реальной действительности и превращаются в нечто вроде интеллектуальной игры.

Одним из признанных и, пожалуй, самых известных писателей эпохи постмодернизма является Виктор Олегович Пелевин. В своих произведениях он подвергает исторические факты переосмыслению и на их основе создает свою собственную виртуальную реальность, наполненную параллелями и аллюзиями на нашу современную действительность. Его остроумные, ироничные и в то же время философские произведения создают большой резонанс в обществе, привлекая внимание весьма авторитетных теоретиков литературы и критиков. Произведения Пелевина обладают ярко выраженным идиостилем. Многообразие стилистических приемов (иноязычные вкрапления, смешение «чужих стилей», языковая игра) наделяет персонажей индивидуальностью, подлинностью и уникальностью. Пелевина читают не только в России, но так же и за рубежом, его книги переводят на все основные языки мира, включая японский и китайский. В связи с этим становится актуальной проблема национально-культурного компонента в его произведениях.

Под национально-культурным компонентом понимается отсутствие в одном из сопоставляемых языков наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке. Зачастую это связано с различными условиями жизни и быта, географических, исторических и культурных особенностей разных культур.

Для изучения явления «национально-культурный компонент» был выбран роман «Generation P», который можно назвать одним из самых извест-

ных, наряду с такими произведениями, как «Омон Ра», «Жизнь насекомых» или «Чапаев и Пустота». Тот факт, что события романа происходят в России в период перестройки, играет немаловажную роль в произведении. Автор хотел передать нам всю сущность постсоветской ментальности.

В ходе анализа нами было выявлено большое количество лексических единиц, которые являются средствами выражения национально-специфического в романе. С их помощью автор помогает читателю погрузиться в атмосферу описываемых им событий и ощутить всю сущность жизни в России в постсоветский период.

Однако наличие подобных явлений порой может усложнить задачу расшифровки интерконтекстуального значения произведения даже для человека, принадлежащего более позднему поколению, а для носителя другой национальной культуры – вдвойне.

Несмотря на то, что существует немало работ, посвященных национально-культурному компоненту и реалиям, до сих пор не существует четкой классификации данных явлений. В своем исследовании мы руководствовались классификацией, предложенной учеными Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, которые разделяют слова с национальной окраской на безэквивалентные, коннотативную лексику и фоновую лексику. Внутри данной классификации нами были выявлены следующие группы культурно окрашенных лексических единиц: ономастическая лексика, культурные реалии, фразеологизмы, сниженная лексика или жаргонизмы, аллюзии.

Для анализа приемов передачи национально-специфической лексики в романе был выбран перевод, выполненный британским переводчиком Эндрю Бромфилдом. Проанализировав текст перевода, мы выявили, что основными методами перевода являются транскрипция, описательный перевод, калькирование, подбор аналога и подбор эквивалента. Наименее частотными оказались дословный перевод, добавление и генерализация. Однако ввиду рассмотренных нами примеров справедливо утверждать, что, несмотря на то, что автор перевода постарался восполнить некоторую культурную информа-

цию в тексте, большая ее часть была потеряна. Существует мнение, что оригинал романа и его перевод являются двумя разными произведениями. Многие критики считают, что Эндрю Бромфилду не удалось создать адекватный перевод романа. Это обусловлено большим количеством непереводаемой игры слов и высокой степенью интерконтекстуальности текста.

Ссылки

1. Поздеева Т.В., Самарская Т.Б. Языковые средства создания идиостиля. Краснодар, 2016. С. 1.
2. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 2000. С. 494.
3. Поздеева Т.В., Самарская Т.Б. Языковые средства создания идиостиля. Краснодар, 2016. С. 2
4. Фатеева Н.А. Семантические преобразования в прозе и поэзии одного автора и в системе поэтического языка. Опыты описания идиостилей. М. 1995. С. 558.
5. Матвеева И., Гулидов А. Поэтический метод Пелевина. Шуя, 2006. Т.2. С. 184
6. Зими́на Н.Ю. Билингвизм как один из признаков орнаментальности идиостиля В. Пелевина. Краснодар, 2010. С. 62.
7. Пелевин В. Generation P. М., 2013. С. 67.
8. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 157.
9. Ахманова О.С., Мельчук И.А., Падучева Е.В. О точных методах исследования языка. М., 1961. С. 6.
10. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 349.
11. Буряк Н.Ю. Национально-культурный компонент лакун в культуре языковой личности. Краснодар, 2015. С. 268.
12. Там же, С. 267.
13. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Воронеж, 1984. С. 71.
14. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., 1977. С. 261.
15. Стернин И.А., Флекенштейн К. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии. Галле, 1989. С. 46.

16. Комлев Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова. М., 2006. С. 116.
17. Кохан Н.А. К вопросу о перспективе динамики национально-культурного компонента. Самара, 2007. С. 35.
18. Кодухов В. И. Введение в языкознание. М., 1982. С. 152.
19. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М., СПб., 2004. С. 330.
20. Сапожникова Л.М. Национально-культурный компонент собственных имен (на материале немецкого языка). Тверь, 2015. С. 177.
21. Кохан Н.А. К вопросу о перспективе динамики национально-культурного компонента. Самара, 2007. С. 35.
22. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии. М., 1997. С. 47.
23. Там же С. 48.
24. Буряк Н.Ю. Национально-культурный компонент лакун в культуре языковой личности. Краснодар, 2015. С. 39.
25. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). М., 1984. С. 31.
26. Харитоновна Е.В. Типы межкультурных барьеров и их языковое выражение. Иркутск, 2011. С. 204.
27. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964. С. 69.
28. Алексеева И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб., 2008. С. 140.
29. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. С. 102.
30. Koller W. Einführung in die *Überetzungswissenschaft*. Wiesbaden, 1997. S. 186 (перевод В.В.Сдобникова).

31. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М., 2007. С. 112.
32. Кретов А.А., Проценко Е.А. Переключение языковых кодов как отражение индивидуально-авторской картины мира. Воронеж, 2002. С. 92-98.
33. Дробышева Т.В. Национально-культурный колорит художественного произведения. Воронеж, С.66 – 70.
34. Тимко Н.В. К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе. Иркутск, 2010. С. 61-66.
35. Фененко Н.А. Язык реалий и реалии языка. Воронеж, 2001. С. 140.
36. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в перевод. М., 2009. С. 360.
37. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. С. 157.
38. Пелевин В. Generation P. М., 2013. С. 14.
39. Там же, С. 11.
40. Там же, С. 36.
41. Там же, С. 10.
42. Там же, С. 16.
43. Там же, С. 33.
44. Там же, С. 42.
45. Там же, С. 71.
46. Там же, С. 93.
47. Там же, С. 24.
48. Там же, С. 138.
49. Там же, С. 15.
50. Там же, С. 382.
51. Пелевин В. Generation P. М., 2013. С. 250.
52. Pelevin V. Babylon. Kent, 2000. P. 86.

53. Пелевин В. Generation P. М., 2013. С. 29.
54. Пелевин В. Generation P. М., 2013. С. 121.
55. Pelevin V. Babylon. Kent, 2000. P. 40.
56. Пелевин В. Generation P. М., 2013. С. 226.
57. Pelevin V. Babylon. Kent, 2000. P. 6.
58. Там же, С. 133.
59. Там же, С. 12.
60. Там же, С. 29.

Список использованной литературы

1. Алексеева, И.С. Введение в переводоведение: учеб. пособие для студ. Филол. и лингв. фак. высш. учеб. Заведений [Текст]/ И.С. Алексеева. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 346 с.
2. Ахманова, О.С. О точных методах исследования языка [Текст]/ О.С. Ахманова, И.А. Мельчук, Е.В. Падучева. – М.: МГУ, 1961.– 162 с.
3. Буряк, Н.Ю. Национально-культурный компонент лакун в культуре языковой личности [Текст]/ Н.Ю. Буряк // Инновационная наука. – 2005. – №3. – С. 267–269.
4. Верещагин, В.Г. Лингвострановедческая теория слова [Текст]/ В.Г. Верещагин, Е.М. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
5. Верещагин, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного: метод. рук. 4-е изд., перераб. и доп. [Текст] / В.Г. Верещагин, Е.М. Костомаров. – М.: Рус. яз., 1990.– 246 с.
6. Влахов, С.И., Непереводимое в переводе [Текст]/ С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М.: Валент, 2009. 360 с.
7. Воскобойников, В.В. Актуальные аспекты изучения идиостиля в современной лингвистике [Текст]/ В.В. Воскобойников // Вестн. Волгогр. Гос. Ун-та. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2013. – №11. – С. 164–169.
8. Гак, В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст]/ В.Г. Гак. – Л.: Просвещение. Ленингр. Отд-ние, 1977. – 300 с.
9. Гергерт, А.А. Особенности перевода культурных реалий (на материале произведений Е. Замятина и А. Гавальда) [Текст]/ А.А. Гергерт // Вестн. Волгоград. Гос. Ун-та. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2014. – №12. – С. 103–105.

10. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст]/ В. Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
11. Добровольский, Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии [Текст]/ Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–49.
12. Дробышева, Т.В. Национально-культурный колорит художественного произведения [Текст]/ Т.В. Дробышева // Вестник Воронежского гос. Ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 3. – С. 66–70.
13. Зими́на, Н.Ю. Билингвизм как один из признаков орнаментальности идиостиля В. Пелевина [Текст]/ Н.Ю. Зими́на // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участие к 150-летию со дня рождения А.П.Чехова. – Краснодар: Издательский Дом-Юг, 2010. – С. 60– 64.
14. Кодухов, В. И. Введение в языкознание. 2-е изд. [Текст]/ В.И. Кодухов. – М.: Просвещение, 1982. – 175 с.
15. Комлев, Н.Г. Компоненты содержательной структуры слова [Текст]/ Н.Г. Комлев. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с.
16. Кохан, Н.А. К вопросу о перспективе динамики национально-культурного компонента [Текст]/ Н.А. Кохан // Труды 3-го Международного форума "Актуальные проблемы современной науки". Часть 37. Иностранные языки. – Самара: Самарский гос. техн. ун-т, 2007. – С. 34–38.
17. Кретов, А.А. Переключение языковых кодов как отражение индивидуально-авторской картины мира [Текст]/ А.А. Кретов, Е.А. Проценко // Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж. Гос. Ун-т. – 2002. – Вып. 5. – С. 92–99.
18. Николаева, И.С. Иноязычные вкрапления в текстах современных писателей [Текст]/ И.С. Николаева // Известия Дагест. Гос. Пед. Ун-та. Общественные и гуманитарные науки. – 2013. – № 1(22). – С. 1–4.

19. Ощепкова, В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии [Текст]/ В.В. Ощепкова. – М.; СПб.: ГПОССА/КАРО, 2004. – 336 с.
20. Переслегина, Е.Р. Женщина и кошка в рассказе В. Пелевина «Ника» (анализ ключевого концепта) [Текст]/ Е.Р. Переслегина // Вестн. Нижегород. Ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2011. – № 6-2. – С. 504–508.
21. Поздеева, Т.В. Языковые средства создания идиостиля [Текст]/ Т.В. Поздеева, Т.Б. Самарская // Научный журнал КубГА. – 2016.– №16(02). – 10 с.
22. Попова, Е.Ю. Роль культурных реалий в создании образа России (на материале современной русской художественной прозы) [Текст]/ Е.Ю. Попова // Вестн. Самар. Гос. ун-та. – 2011. – №85. – С. 186–191.
23. Попова, З.Д. Лексическая система языка [Текст]/ З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: ВГУ, 1984. – 149 с.
24. Псеунова, Б.Х. Антропоним как отражение национально-культурной специфики языкового сознания носителя сленга [Текст]/ Б.Х. Псеунова // Вестн. Адыгейск. Гос. Ун-та. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 1. – С. 1–4.
25. Ревзин, И.И. Основы общего и машинного перевода [Текст]/ И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Высш. Шк., 1964. – 244 с.
26. Сапожникова, Л.М. Метафоричность ономастического сравнения и сравнительность ономастической метафоры [Текст]/ Л.М. Сапожникова // Вестн. Твер. гос. ун-та. – 2014. – № 4. – С. 100–107.
27. Сапожникова, Л.М. Национально-культурный компонент собственных имен (на материале немецкого языка) [Текст]/ Л.М. Сапожникова // Вопросы ономастики. – 2015. – №1(18). – С. 175–185.
28. Сдобников, В.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков [Текст]/ В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 444 с.

29. Стернин, И.А. Очерки по контрастивной лексикологии и фразеологии [Текст]/ И.А. Стернин, К. Флекенштейн. – Галле, 1989. – 129 с.
30. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст]/ В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
31. Тимко, Н.В. К вопросу о передаче культурной специфики текста в переводе [Текст]/ Н.В. Тимко // Вестник Иркутского гос. Лингвистического ун-та. – 2010. – № 1(9). – С. 61–66.
32. Толстой, Н. И. Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. *vesel-) [Текст]/ Н.И. Тольстой, С.М. Толстая // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993. Доклады российской делегации / отв. ред. Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1993. – С. 162–186.
33. Фатеева, Н.А. Семантические преобразования в прозе и поэзии одного автора и в системе поэтического языка [Текст]/ Н.А. Фатеева. // Опыты описания идиостилей. – М., 1995. – 558 с.
34. Федоров, А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) [Текст]/ А.В. Федоров. 4-е изд. – М.: Высш. Шк., 1984. – 303 с.
35. Фененко, Н.А. Язык реалий и реалии языка [Текст]/ Н.А. Фененко. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 140 с.
36. Харитонова, Е.В. Типы межкультурных барьеров и их языковое выражение [Текст]/ Е.В. Харитонова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – №2. – С. 203 – 209.
37. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты [Текст]/ А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 214 с.
38. Шерина, Е.А. Лингвокультурологический аспект изучения национально-культурной специфики языка [Текст]/ Е.А. Шерина, А.В. Алексеева // Фундаментальные исследования. – Томск, 2014. – №12-1. – С. 215–218.

39. Широкова, И.А. Образ автора в художественном произведении: отражение отражаемого [Текст]/ И.А. Широкова. – Вестн. Челяб. Гос. Ун-та., 2014. – №23(352). – С. 103–106.
40. Hirish, E. D. Jr. Cultural and literacy / E.D. Hirish. – The Journal of Basic Writing. – 1980. – № 3. – P. 8–19.
41. Koleva, A. National and cultural components of the text and intercultural communication [Текст]/ A. Koleva. – Trakia Journal of Sciences, Vol. 3. – 2005. – №8. – P. 27–29.
42. Koller, W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft [Текст]/ W. Koller. – Wiesbaden, 1997. – 349 S.
43. Nord, C. Text Analysis in Translation : Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis [Текст]/ C. Nord. – Amsterdam : Rodopi, 2005. – 274 p

Словари

44. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст]/ Под ред. В.Н. Ярцевой – 2-е изд. – М.: Больш. Рос. Энциклопедия, 2000. – 688 с.

Источники иллюстративного материала

45. Пелевин, В. Generation P [Текст]/ В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2013. – 384 с.
46. Pelevin, V. Babylon [Текст]/ V. Pelevin. – Kent: Faber & Faber, 2000. – 133 p.